ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Вот и закончился ещё один учебный год. Многое в нём было: открытия и потери, к примеру, ручек и грифелей; километры выученных параграфов и килограммы исписанных тетрадей; заслуженные похвалы и нагоняи (куда же без них?) и многое другое. Мы надеемся, что ваши головы немного потяжелели от накопленных за год знаний. Впрочем, впереди вас ждёт загорелое, необъятное лето для того, чтобы полностью опустошить их до 1 сентября.

5-й, 6-й, 7-й и 8-й выпуски журнала «Школьный вестник» мы решили сделать не совсем обычным. Без традиционных рубрик, чтобы они стали такими же лёгкими и беззаботными, как ягодное дыхание лета. Держите эти выпуски под рукой, не убирайте на дальнюю полку к учебникам. Обещаем, что они здорово скрасят самые знойные часы этих каникул.

Желаем сказочного лета, ярких впечатлений и до новых встреч на страницах журнала «Школьный вестник»!

WARECHAK BECTHAK

6+)

7/2020

ЧАСЫ С ВАРИАНТАМИ

ПОВЕСТЬ

Сегодня по календарю 24 июля 1985 года.

Это означает, что ровно через неделю мне снова сдавать экзамены в институт, который я уже однажды кончал, если, конечно, я опять не прыгну вперёд или назад.

Я знатный прыгун.

Интересно знать, сколько мне всего лет? По паспорту, который торчит из кармана джинсов с заложенными в нём двенадцатью фотокарточками три на четыре, мне — семнадцать. Но этот возраст, равно как и сегодняшнее календарное число, имеет смысл для всех людей, только не для меня.

Истинное количество прожитых мною лет теперь подсчитать затруднительно. Я слишком много прыгал туда и сюда. Пришлось бы собирать время по кусочкам. Среди них были совсем крохотные, не больше нескольких часов. Впрочем, поначалу я совсем не фиксировал длительность своих прыжков, так что точно уже не сосчитать. Думаю всё же, что я прожил в общей сложности лет сто двадцать.

Меня зовут Сергей Мартынцев. Это абсолютно точно. Я всегда оставался Сергеем Мартынцевым, куда бы ни прыгал и как бы далеко ни залетал. Я убедился, что имя — это единственная абсолютная реальность. Всё остальное могло меняться: друзья, любимые, недруги, профессии и жизненные вехи. Даже даты рождения и смерти.

Отец сидит в соседней комнате и смотрит себя по телевизору. Он только что вернулся из Бразилии, сейчас на экране он разговаривает с бразильским сборщиком кофе. Мой отец — журналист. Он почти всегда был журналистом, лишь однажды я застал его военным переводчиком. Но об этом лучше не вспоминать.

Мне довелось похоронить отца. Это было уже в двадцать первом веке, незадолго до столетнего юбилея Советской власти*.

В «Известиях» поместили некролог, где назвали отца «крупным журналистом-международником». Сразу после похорон я прыгнул назад, не мог этого вынести. Первые дни после смерти отца я разговаривал с ним осторожно, точно с привидением. Он даже подумал, что я заболел.

— У тебя смурной вид, — сказал он.

Ещё бы! Знал бы он, что три дня назад я стоял с матерью в траурном зале под звуки скорбной музыки... Но говорить ему об этом бессмысленно. Тогда он точно решит, что я заболел.

Между тем моё поведение не имеет ничего общего с болезнью. И психика у меня нормальная, хотя она-то как раз могла расшататься. Попробуйте поговорить с родным отцом наяву после его смерти или, очутившись в одной комнате с незнакомой женщиной, вдруг узнать, что это ваша жена. Впрочем, об этом после.

^{*} Столетний юбилей советской власти отмечался бы 7 ноября 2017 года, если бы Советский Союз просуществовал до этого времени. Повесть «Часы с вариантами» написана в 1984 году, и автор не мог знать, что СССР прекратит свое существование 26 декабря 1991 года. (Здесь и далее примеч. ред.)

Здесь я намерен рассказать о своей жизни, точнее, о своих жизнях, ибо их у меня было довольно много. Дело даже не в том, что они были интересны. Просто мне довелось заскакивать туда, куда вам ещё предстоит дойти. Я не утверждаю, что вы непременно туда придёте. Всё зависит от конкретного пути, а путей, как я убедился, бесчисленное множество. Однако совпадение не исключено.

Эта история началась год назад... Снова я вынужден остановиться, чтобы пояснить, что на самом деле она началась давным-давно, много жизней назад, однако по календарю это произошло в восемьдесят четвёртом году. Должен также предупредить, чтобы вы не слишком доверяли словам «на самом деле». Никакого «на самом деле» нет, как вы сможете убедиться.

Одним словом, когда мне впервые исполнилось шестнадцать лет, ко мне пришёл дедушка.

Я был в комнате один, заканчивались весенние каникулы; я лежал на тахте в стереонаушниках и слушал пластинку «Обратная сторона Луны» группы «Пинк Флойд». Она немного устарела, но по-прежнему нравилась мне. Отец был в Японии, мама на работе. Часы показывали половину двенадцатого.

Вероятно, деду открыла Светка. Она тогда ждала ребёнка, моего племянника Никиту, о котором позже, и целыми днями сидела дома, плача от страха. Светка на три года старше меня.

Дед вошёл неслышно. Впрочем, даже если бы он топал, как слон, я всё равно ничего бы не услышал, как раз было громкое соло Ричарда Райта на органе. Дед подошёл ко мне и снял наушники с моей головы. Я удивлённо вытаращился на деда.

Причин удивляться было несколько. Во-первых, дед приезжал к нам крайне редко. У него были натянутые отношения с отцом, как я понимаю, не оправдавшим его надежд. Журналистика для деда — занятие суетное и малопочтенное. Мой дед был контр-адмиралом в отставке. Он жил один, вернее, после смерти бабушки ему помогала пожилая женщина Антонина Степановна. Дед звал её экономкой.

Во-вторых, дед явился в форме. Я не видел его в мундире довольно давно, с детства, когда дед ещё командовал кораблями и флотилиями. Это впечатление глубоко врезалось в память, особенно адмиральский золотой кортик, болтавшийся на боку.

Выйдя в отставку, дед надевал мундир только на торжественные собрания, посвящённые Дню Победы, где я, естественно, не бывал. Сейчас он был при полном параде и при кортике, необычайно серьёзный.

- Здравствуй, Сергей. Поздравляю тебя. С сегодняшнего дня ты мужчина, торжественно проговорил он и расцеловал меня. Из наушников на тахте продолжал попискивать «Пинк Флойд».
- Выключи это, поморщился дед. Я хочу говорить с тобой.

Я насторожился, ожидая очередного воспитательного разговора, которыми потчевали меня родители перед шестнадцатилетием. «Ты становишься взрослым, пора подумать о будущем...» И прочее в том же духе. Мне это всё порядком осточертело.

Дед уселся на тахту рядом со мной и с минуту молчал, положив руку мне на плечо. Я почувствовал, что рука дрожит.

Затем он с усилием отстегнул кортик и положил его на ладонь.

- Вот тебе мой подарок. По Уставу личное оружие остаётся в семье. Мне скоро уходить, я хочу, чтобы он принадлежал тебе.
 - Ну зачем ты так, дед... вяло возразил я.
 - Я знаю, что говорю.

Я принял кортик. Он был прохладен и тяжёл. Я нажал на кнопочку у эфеса и вытянул лезвие из ножен. Оно было покрыто тончайшим слоем жёлтого масла. На рукоятке стояли три буквы: «Р. Д. М.» — Родион Дмитриевич Мартынцев.

— Но это не главное, — сказал дед, поднимаясь с тахты.

Я с интересом следил за ним. Дед был невысок и худ, последние годы он как-то усох, мундир на нём болтался. Седая короткая стрижка, множество морщин на лице, но глаза ясные и живые...

— Встань, Серёжа. Сейчас ты обалдеешь, — сказал он и подмигнул мне. Я действительно обалдел. Не думал, что дед способен произносить наши слова. Обычно он был велеречив.

Я послушно встал. Дед был мне по плечо. Он испытующе, с хитрецой взглянул на меня снизу вверх, будто старый пират, открывающий юнге тайну клада, зарытого на далёком острове сорок лет назад.

В сущности, так оно и было. К сожалению, ничего в этом нет смешного, как выяснилось за прошедшую жизнь.

— Эк ты вымахал, — сказал дед, одновременно с восхищением и неудовольствием.

Он оглянулся на дверь и с воровским видом запустил сухую ладонь во внутренний карман адмиральской тужурки. Когда он вынул руку, в ней был небольшой, круглый, тускло поблёскивающий предмет.

Щёлкнула крышка, и я увидел циферблат старинных часов с тонкими резными стрелками и делениями по кругу до 24, а не до 12, как это обычно бывает. По левую и правую сторону циферблата располагались окошечки календаря. На календаре стояли число, месяц и год, соответствующие происходящим. Стрелки часов приближались к двенадцати, хотя казалось, что к шести, потому что цифра 12 находилась на месте шестёрки обычных часов.

— Нравится? — спросил дед, заглядывая мне в лицо. Я кивнул, хотя, честно говоря, особого восторга не испытал. Часы как часы. Кортик потряс моё воображение значительно сильнее. Я уже прикидывал, как после каникул понесу его в школу и покажу ребятам.

Вдруг дед убрал вниз ладонь, на которой покоились часы, но они остались висеть в воздухе на том же месте. Я остолбенел.

— Видишь? Они ничего не весят, — удовлетворённо проговорил дед и легонько толкнул часы указательным пальцем. Они плавно поплыли по воздуху.

Такие фокусы я раньше видел только по телевизору, когда показывали репортажи с борта орбитальной станции «Салют» и космонавты демонстрировали состояние невесомости, пуская по воздуху разные предметы. На Земле это выглядело чудом.

— И это не самое главное, — сказал дед, ловя часы и захлопывая крышку. В момент щелчка окружающее пространство как бы дрогнуло, будто от бесшумного взрыва.

Первой моей мыслью было: дед на старости лет увлёкся фокусами, стал иллюзионистом-любителем. Вторая мысль была ещё хлеще: дед спятил. Его рассказ блестяще это подтвердил.

Дед сказал, что часы волшебные. Слышать это от старого человека в парадной адмиральской тужурке было дико. По словам деда, волшебство часов заключалось в следующем. Во-первых, они всегда шли абсолютно точно, не требуя завода. Во-вторых, если попробовать перевести стрелки и календарь, для чего сбоку имелись три маленькие головки, а после захлопнуть крышку, то в то же самое мгновенье наступало время, показываемое часами.

- Где? тупо спросил я.
- Что где? рассердился дед.
- Где наступает время?
- В пространстве, он обвёл рукой комнату.
- В каком?
- Ну во Вселенной, скромно пояснил дед.

Таким образом, это были часы обратного действия. Не время указывало им, какой год, месяц, день и час должны стоять на циферблате, а они управляли временем, предписывая ему, каким быть.

Дед получил эти часы в наследство от своего отца, моего прадеда. Тот был профессиональным революционером, политкаторжанином, заработал на каторге чахотку и умер в двадцать пятом году. Часы он подарил сыну в день его шестнадцатилетия, за два года до своей смерти.

Дед неторопливо рассказывал, поигрывая часами: то отпускал их — и они плыли в воздухе, по принципу Галилея сохраняя состояние равномерного прямолинейного движения, — то ловил их в ладонь, как муху.

— Почему они ничего не весят? — спросил я, будто это было самым главным.

Вообще говоря, этот факт действительно подтверждал необычность часов, если не был искусной иллюзи-

- ей. Всё остальное нуждалось в проверке. Что, если дед вычитал про часы в какой-нибудь научно-фантастической повести, а теперь меня разыгрывает?
- Я не знаю, сказал дед. Я моряк, а не физик. Мне говорили, что время как-то связано с силой тяготения. Вроде бы эти часы являются одним из полюсов гравитационного поля...
 - А сколько всего полюсов?
- Не знаю, отмахнулся дед. Когда профессиональному военному дают новое оружие, его мало интересует, на каком принципе оно основано. Но он должен досконально знать его возможности: как, где, когда и против кого его следует применять. Понял?
- Какое же это оружие? возразил я. Так, игрушка...
- Опасная игрушка, мальчик, отчеканил дед, глядя на меня почти со злостью. Ты в этом убедишься. Если, конечно, воспользуешься ею. Если осмелишься воспользоваться.
 - Ещё как воспользуюсь, сказал я.

Дед снова открыл крышку часов и взглянул на стрелки. Было без двух двенадцать.

— Запомни эту минуту, малыш, — тихим голосом сказал дед. — Полдень двадцать седьмого марта одна тысяча девятьсот восемьдесят четвёртого года. Возьми!

Он протянул мне часы. Я взял их. Ощущение было странное: часы одновременно были легки, поскольку ничего не весили, но массивны, так что приходилось прилагать усилие, чтобы сдвинуть их с места. Часы словно сопротивлялись движению, вели себя как живые.

— Непослушные, правда? — неожиданно улыбнулся дед.

- Значит, если переставить их на год назад, щёлкнуть крышкой, то будет... начал вслух размышлять я.
 - То и будет год назад, нетерпеливо перебил дед.
- Мне снова будет пятнадцать... И я окажусь там, где находился ровно год назад? Так?
- Да! Да! И ты, и я, и все. Понимаешь все! Весь мир, все люди, вся Вселенная окажется там, где они были год назад. В том же положении и состоянии.
 - А те, что умерли за этот год? вдруг спросил я.
 - Они воскреснут, строго сказал дед.
- Oro! сказал я, уважительно глядя на часы. А дальше?

До меня ещё по-настоящему не доходило.

- А дальше все будут жить снова тот год, который прожили! закричал он. Почему ты такой глупый мальчик?!
 - И всё повторится? Неинтересно.
- А вот и нет! Нельзя дважды войти в одну и ту же реку! Нельзя! Это ты знаешь? Так говорили древние! кричал он.
 - Почему ты кричишь? обиделся я.
- Потому что в двадцать третьем году, когда отец подарил мне эти часы, я не знал и половины того, что знаешь ты сегодня. Но я был взрослее, сказал он огорчённо. Может быть, я рано дарю тебе часы?
- Пожалуйста. Можешь не дарить. Не больно-то хотелось...
- Нет уж. Возьми, милок, сказал он, отводя мою руку с часами. Возьми. Подумай, как ими пользоваться. И нужно ли. Подумай.

У него была привычка повторять слова с разной интонацией.

- Я ухожу, сказал он. Ухожу. Никто не должен о них знать. Это может повредить тебе... Потом, когда ты помозгуешь над ними, мы поговорим.
 - Постой, я же ещё ничего не знаю! взмолился я.
- Я всё сказал. Всё самое главное. Переставляешь стрелки и календарь, захлопываешь крышечку и... Да! Вот ещё что. Держи их крепко вот здесь, если хочешь помнить, что с тобой было до прыжка, от ткнул себя в шею, туда, где ямочка под кадыком.
 - Прыжка? переспросил я.
 - Ну скачка. Скачка во времени.

Дед пошёл к двери.

- Ты сам-то пользовался ими? спросил я вслед.
- Один раз. Один раз в жизни. Один раз в жизни я вернулся на месяц назад и прожил его заново... Это было давно.

Он хлопнул дверью.

Что бы вы сделали на моём месте? По-моему, человечество можно разделить на две группы. Одни сразу бы схватили часы и попытались проверить их в действии. Другие бы сначала подумали. Я решил подумать.

Я, как и большинство людей моего возраста, любил фантастику и зачитывался Бредбери, Стругацкими, Лемом. Однако читая их книги, я никогда по-настоящему не верил в реальность происходящего. Одно дело фантастика, а другое — реальная действительность.

Я трезво смотрел на мир в свои шестнадцать лет и знал, что левитация, пришельцы и машины времени существуют лишь в воображении фантастов.

И вот я оказался в фантастической ситуации. Причём от моего выбора зависело — использовать её или нет. Я мог просто-напросто запихать часы подальше, забыть о них и жить себе как жил.

Правда, это было бы ещё более фантастично. Иметь в руках такую штуку и не воспользоваться ею!

Я осторожно защёлкнул крышку часов, опять ощутив лёгкое сотрясение пространства, и поволок их к письменному столу. Они сопротивлялись, как рыба на крючке. Судя по всему, их инертная масса была довольно велика.

Я засунул их в ящик стола, закрыл его и сел на стол, будто боясь, что часы могут взлететь вместе со столом. Они вели себя тихо. Дальше я принялся рассуждать.

Дед мой — человек экстравагантный, но склонности к мистификации у него ранее не замечалось. Наоборот, он был правдив и точен во всём, даже пунктуален. Да и зачем ему врать про часы?

Меня так и подмывало проверить их, но я боялся. Нужно было рассчитать все последствия. А как их рассчитать?

Допустим, что это не обман. Если обман, то и говорить не о чем. Допустим, правда. Следовательно, если я сейчас переставлю календарь хотя бы на вчерашнее число, то оно и наступит? Где я вчера был в полдень?

Вчера в полдень я стоял в очереди за пластинкой Челентано в фирменном магазине «Мелодия» на Большом проспекте Петроградской стороны. Я поехал туда к открытию и простоял в очереди два с лишним часа. Со мною был Толик.

Следовательно, если я сейчас хлопну крышкой, то в мгновение ока перенесусь на Большой проспект. И одет уже буду не в домашние тапочки и поношенный трикотажный костюм, а в джинсы, кроссовки и тёплую финскую куртку. И Толик тоже окажется там, где бы он сейчас ни был.

Мысль оторвать Толика от его занятий показалась мне заманчивой, тем более что я догадывался, где и с кем он сейчас проводит время.

Да что Толик! Весь мир, все люди, вся Вселенная, как говорил дед, тоже перемахнут во вчерашний день. Те, кто родился за эти сутки — а таких уйма на Земле, — исчезнут? А те, кто умер — оживут?! Не слишком ли жирно, как говорит моя мама? Чушь. Глухня.

И это всё из-за каких-то замшелых часиков, которые тикают сейчас в ящике моего стола? Нет, я не такой осёл. Сейчас возьму и проверю, решил я.

Но я продолжал прочно сидеть на столе и даже ухватился за крышку руками. Было какое-то суеверное чувство, будто кошка перебежала дорогу. Душевные сомнения, так бы я сказал.

А имею ли я право? Может быть, сейчас у кого-нибудь счастье? Вот, например, Толик. Это мне делать нечего, а у него ответственный день. Собственно, чего я прицепился к Толику? У других дела ещё важнее. Производственный план, квартал кончается, а я одним махом уничтожу суточную продукцию страны? За это по головке не погладят. Да и вообще нечестно.

Могу и не на сутки. Могу на месяц, на год! На сколько угодно. На сто лет назад. Интересно, есть ли ограничение по годам в этой машинке? Не вечная же она?

«Стоп! — сказал я себе. — Больше чем на шестнадцать лет назад мне прыгнуть нельзя. Меня ещё не будет. Я ещё не рожусь, а также не родюсь. Или не рождусь? Чёрт, у меня всегда с русским были нелады. Короче говоря, туда нельзя».

Таким образом, я выяснил одну границу. Мне можно было гулять во времени, начиная с марта месяца одна

тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, когда я родился.

Обидное ограничение. Значит, к рыцарям-крестоносцам я уже не попаду. Могу, конечно, нажать крышку, пускай история начнётся сначала, но мне-то не посмотреть.

Да и в шестьдесят восьмой мне не хотелось. Попаду опять в ясли с этими проклятыми часами. Мама наверняка их отберёт...

Ещё начнёт их крутить и отправит человечество куданибудь к чёрту на куличики. Куда-нибудь к египетским фараонам.

«Стоп! — опять сказал я себе. — Почему я решил, что часы останутся при мне? Я их получил от деда сегодня. В яслях у меня не было никаких часов. Они только что появились. Следовательно, если я хочу прыгнуть в прошлое, оставив при себе часы, я не должен переходить границы полудня сегодняшнего дня».

Вот почему дед просил меня запомнить эту минуту! Конечно, можно прожить детство сначала и дождаться, когда дед снова мне их подарит. Но это же сколько ждать!

А как быть с памятью? Буду ли я помнить, что было со мной до скачка? Дед сказал — буду, если держать часы в момент переключения вот тут, у шеи. А всё остальное человечество? Вопросов было выше головы.

Была не была! Я понял, что рассчитать всё не удастся, и выдернул ящик письменного стола. Часы плавали там, как рыбка в аквариуме. Я схватил их и открыл крышку. Чтобы всё-таки обезопасить себя от возможных неожиданностей, я решил вернуться во времени немного назад, причём в такой момент, про который я точно помнил — где, как и с кем я находился. Такой момент

долго искать не пришлось. Я вспомнил, что десять дней назад перед последними тремя уроками мы стояли в коридоре и гадали, какие темы принесёт Анна Ильинична на четвертное сочинение по литературе.

Я поставил нужное число и время — без пяти двенадцать, — приложил часы к ямочке на шее и, не раздумывая, обеими руками резко надавил на крышку.

Ощущение было незабываемым.

Всё продолжалось доли секунды, однако я успел зафиксировать начальную фазу скачка, пока меня не смыло пространством прошедшего времени.

Одновременно со щелчком произошло уже знакомое мне лёгкое содрогание, и тут же вокруг часов стала быстро разрастаться поверхность чечевичной формы, будто от них отделялась оболочка. Внутри этой поверхности я успел заметить зелёное сукно письменного стола, на котором покоились часы, рядом — угол чернильного бронзового прибора, будто вдвигавшегося внутрь поверхности ниоткуда, и дедовский мундштук. Пальцы мои и часть груди у шеи уже были смыты распухавшей чечевицей, через миг исчез подбородок, нос, в то время как внутри поверхности продолжал возникать кусок письменного стола в дедовском кабинете — он торчал из моего тела, съедая его с огромной быстротою раздвигавшейся чечевичной поверхностью. Ещё мгновенье — и поверхность достигла глаз. Я перестал видеть, последовало несколько сотых долей секунды полной темноты, и вдруг я оказался в школьном коридоре среди своих товарищей, возникнув, как и они, на границе раздела двух пространств, раздвигающейся с гигантской скоростью.

^{— ...}инична даст Наташу Ростову. Вот увидите,— сказал Толик.

- И князя Андрея, авторитетно добавил Макс.
- А я к Пьеру готовилась. Хоть бы Пьер был! заволновалась Марина.

«Всё точно, — отметил я про себя. — Эти реплики имели место». Я прикрыл веки, сжал пальцы, как бы концентрируя мыслительную энергию, и с расстановкой произнёс:

— Значит, так. Темы будут такие: «Образы Кутузова и Наполеона как отражение исторических взглядов Толстого», «Философия Платона Каратаева и её связь с толстовством» и «Русский солдат в изображении Толстого».

Меня дружно осмеяли. Никто не напомнил мне, что в первый раз я тоже голосовал за князя Андрея.

Через пять минут в класс вошла Анна Ильинична и написала на доске названные мною темы. Слово в слово. Все онемели и дружно повернулись ко мне.

- Откуда ты знал? прошептал Макс.
- Интуиция, пожал плечами я.
- Ну ты логопед! произнёс он свою любимую присказку.

Анна Ильинична, как она потом объяснила, решила проверить самостоятельность нашего мышления, почему и залепила такие зверские темы. Конечно, никто не был готов, кроме меня, потому что я прекрасно помнил разбор сочинений, устроенных ею два дня спустя.

«Заодно и четвертную отметочку исправлю!» — подумал я, принимаясь строчить про Кутузова и Наполеона.

В первый раз я писал о русском солдате и получил трояк за содержание и четыре — за грамматику.

Через два дня я узнал, что получил «отлично» за содержание и ту же четвёрку за грамотность. В четверти

вышла пятёрка. Остальные имели те же оценки, что в первый раз.

За десять дней, предшествовавших моему второму шестнадцатилетию, я заслужил репутацию прорицателя. Ситуации повторялись одна за одной, и мне не стоило никакого труда предсказывать их.

— Вот смотрите, — говорил я в кино, как всегда прикрыв глаза и сжав пальцы в кулаки, — сейчас войдёт рыжий щербатый мужик на костыле.

Через минуту в фойе входил рыжий щербатый мужик на костыле.

— Завтра химичка спросит тебя, тебя и тебя, — указывал я пальцем. — Готовьтесь.

На следующий день их спрашивали, они получали пятёрки, изумлённо благодарили.

Таким образом мне удалось повысить четвертные оценки не только себе, но и нескольким своим товарищам. За мной ходил хвост. Канючили, не переставая:

- Мартын, а что у меня будет в четверти по биологии?
- Серёга, «Зенит» завтра выиграет?
- Проиграет ноль-один, отвечал я.

В последний день четверти ошеломлённые одноклассники потащили меня к нашей воспитательнице Ксении Ивановне. У нас с нею доверительные отношения.

- Ксения Ивановна, Мартынцев у нас пророк! объявил Макс.
 - Кто? испугалась она.
 - Прорицатель. Предсказывает будущее!
 - Как же он это делает?
 - Интуицией, сказал Толик.
- Ах вот как? Тогда, Серёжа, предскажи, пожалуйста, когда мне позвонит моя Катя. Она уехала с ансамблем в Таллин, обещала позвонить. Я должна быть дома.

Тут я влип. Дело в том, что этого разговора в предыдущий раз, естественно, не было; я понятия не имел о Кате и её гастролях в Таллине. Тем более не догадывался, когда ей вздумается позвонить своей маме.

— В семь вечера, — наобум брякнул я.

И конечно, ошибся. Катя звонила в пять, когда Ксении Ивановны не было дома, а потом в одиннадцать вечера. Об этом узнал Макс, специально позвонивший ей на следующий день, чтобы узнать результат эксперимента. Репутация несколько пошатнулась.

Начались каникулы. Я виделся преимущественно с друзьями — Максом и Толиком. Жизнь моя, в общем, текла по тому же руслу, что в первый раз, но с небольшими отклонениями. Иногда я нарочно их устраивал. Помня, что в субботу ходил на дискотеку в ДК связи, на этот раз не пошёл. Ничего не изменилось.

Я напряжённо ждал дня рождения. Я снова хотел стать обладателем часов. За три дня позвонил деду, поинтересовался здоровьем.

— Тронут, — насмешливо сказал дед. — С чего вдруг такая внимательность?

Накануне дня рождения я слегка поправил своё реноме пророка, точно предсказав пластинку Челентано, которую мы с Толиком и купили в магазине «Мелодия».

Утром двадцать седьмого марта, выслушав поздравления мамы и Светки и получив от них в подарок ту же фирменную запечатанную японскую кассету, я стал ждать деда. На этот раз оделся получше, прибрался в комнате.

В половине двенадцатого дед не пришёл. Не явился он и в двенадцать. Его не было в час, в три, в пять. Я извёлся. Хотелось позвонить ему и напомнить. Очень мило получится! Так, мол, и так, дедушка, ты мне часики забыл подарить. Где они? Дед позвонил в шесть часов.

— Поздравляю тебя, мой мальчик, — сказал он слабым голосом. — Ты не мог бы зайти ко мне? Я приготовил тебе подарок.

Я помчался к нему сломя голову.

Я люблю бывать у деда. У него много старых вещей, старинная тяжёлая мебель, маленькая картина Айвазовского. Всё это испокон веку хранилось в семье, а не куплено в комиссионном, как у Толика. Его отец, директор овощебазы, года два назад свёз на дачу всю новую мебель и стал покупать старинную. Толик рассказывал, что сейчас он гоняется за довоенным репродуктором — такая чёрная бумажная тарелка. Готов заплатить за неё сто рублей.

У деда есть этот репродуктор. Он слушал из него речь Молотова в первый день войны.

Но особенно мне нравится фонола. Это такой инструмент начала века, по виду похож на маленькое пианино. У неё есть клавиатура и несколько ножных педалей. Играть на фоноле может каждый, точнее, она играет сама, а ты только изображаешь игру, нажимая пальцами на клавиши. В фонолу заправляются специальные ноты — листы с дырочками, а ножные педали регулируют громкость и быстроту воспроизведения. У деда целая кипа нот — Бах, Бетховен, Шопен. Я люблю играть «Элизе» Бетховена. Жаль, что нет ничего современней: неплохо было бы сыграть партию Джона Лорда из «Дип Пёпл», но и Бетховен сойдёт.

Я хотел бы стать музыкантом в знаменитой команде. Но я не умею играть, только тренькаю слегка на гитаре. Фонола для меня самый подходящий инструмент.

Дед выглядел больным. Он был в домашнем вельветовом потёртом костюме, нечто вроде пижамы. Вообще всё было не так торжественно, как в прошлый раз.

Он опять объяснил мне про часы. Они лежали на письменном столе рядышком с чернильным прибором, придавленные канцелярской скрепкой, чтобы не взлетели. Прямо над ними на стене висел золотой адмиральский кортик.

— Ой, как болят сегодня ноги! — пожаловался дед.

Я вдруг подумал, что деду ничего не стоит воспользоваться часами и вернуться в те времена, когда у него не болели ноги, когда он стоял на мостике военного крейсера в адмиральской форме с золотым кортиком на боку. Почему он этого не делает? Зачем дарит часы мне?

- Ты всё понял? спросил он. Не забывай прикладывать их сюда, — он указал на шею.
 - Я знаю, кивнул я.
 - Откуда?
 - Ты мне уже дарил, сознался я.

Дед с минуту смотрел на меня. Затем печально покачал головой.

— Значит, ты уже попробовал?.. В таком случае мне говорить больше не о чем. Упражняйся дальше. Только не заставляй меня дарить их тебе до бесконечности. Пожалей старика. Отвертеться тебе не удастся. Я решил подарить часы тебе ещё до твоего рождения.

Мне показалось, что он огорчён.

— Ступай, Серёжа, — сказал дед.

Я с тоской посмотрел на кортик. Дед явно не собирался сегодня дарить его мне.

«Вот и попробовал! — думал я, возвращаясь. — Остался без кортика. Но зато часики при мне!» Тогда я ещё не знал, что за все свои прыжки надо платить.

Из первого опыта я извлёк несколько важных следствий. Следствие первое: все люди, возвращённые в

прошлое силою часов, проживают его повторно как впервые, не помня о том, что оно уже однажды было. Все, кроме меня. Даже дед, многолетний обладатель часов, не заметил, что я заставил его дважды прожить прошедшие десять дней.

Следствие второе: прошлое не повторяется в точности, с фатальной неизбежностью. Иными словами, время не обладает свойством детерминированности, если пользоваться точными терминами. Это и понятно — я вношу в него возмущение своей памятью. Проживая прошлое повторно, я могу его корректировать, то есть влиять на ход времени. Значит, можно исправлять ошибки.

Эта мысль мне понравилась. Можно не бояться, жить начерно, а потом, узнав результат, переписывать жизнь набело.

Правда, может измениться и не только то, что зависит от меня. Дед ничего не знал о моём прыжке, однако не подарил мне кортик, не пришёл ко мне, а пригласил, то есть сделал не совсем то, что в первый раз. Значит, на общий закономерный ход времени накладываются случайные флуктуации.

Я почувствовал себя исследователем Времени. Мне нравилось применять к нему понятия, почерпнутые из курса физики.

Следствие третье: природа времени совсем не та, что представлялась мне раньше. С этим ещё предстояло разбираться. Я смутно догадывался, что мне предстоит изменить взгляды на причинность.

Но пока меня занимали конкретные вопросы: что делать с часами дальше? Я чувствовал себя «как дурак с писаной торбой». Так любит выражаться моя мама.

Это сейчас, исходивши Время вдоль и поперёк, я мыслю философскими и физическими категориями. Тогда в голове был полный туман и неуёмная жажда извлечь из часов практические выгоды.

Для начала я решил накопить небольшой капитал времени, куда можно было бы возвращаться, не рискуя потерять часы, то есть не заставляя деда дарить их снова.

Через несколько дней, прожитых как на иголках, я начал лёгкие упражнения с часами, прыгая исключительно назад. Я стремился растягивать удовольствия.

Например, когда мама приносила домой что-нибудь вкусненькое: орешки, торт или купленные по случаю бананы, — я съедал свою долю и тут же прыгал назад минуток на пятнадцать, чтобы съесть лакомство снова.

Банку сока манго я выпил пять раз подряд, и хотя аппетит остался прежним, в результате возникло отвращение к соку манго, чисто психологическое. Также не приносили желаемого удовлетворения повторные прослушивания хороших записей у знакомых и просмотр детективов по телевизору. Насыщение наступало быстро.

Это была стрельба из пушки по воробьям. Я быстро понял, что мелкие цели ведут к мелким результатам. Необходимо было выработать жизненный план, сообразуясь с наличием часов.

Но я всё откладывал разработку жизненного плана. Пока меня занимали фокусы. Особенно нравилось разыгрывать Светку. Её муж Петечка, с которым она раньше училась в школе, служил в армии и время от времени звонил ей из Шауляя. Услышав очередной звонок Петечки, я засекал время, потом отпрыгивал назад минуток на пять, шёл к сестре и спрашивал:

- Хочешь, сейчас Петька позвонит?
- Ой, конечно!
- Пожалуйста! я широким жестом указывал на телефон, и тот начинал звонить.

После двух таких импровизаций Светка стала приставать, чтобы я снова организовал звонок. Это было не в моих силах.

- Нет настроения, говорил я. Понимаешь, на это затрачивается психическая энергия...
 - Серенький, ну пожалуйста!
 - Попробую. На днях... обещал я.

Наконец он позвонил. Светка пришла после разговора надутая:

— Видишь, он сам позвонил. Без твоей помощи.

«Посмотрим, что ты скажешь через пять минут!» — думал я, нащупывая часы в кармане.

Через пять минут, совершив прыжок и разыграв спектакль предсказания звонка, я удостаивался восторженного поцелуя сестры.

Скоро я стал замечать, что предсказания приносят мне всё меньше удовольствия. Напротив, стало явственно вырисовываться чувство определённого неудобства, я бы даже сказал — стыда. Наблюдая, как простодушно изумляются или радуются мои друзья и близкие при повторе жизненного момента, как они волнуются, я чувствовал себя подлецом. Я знал результат заранее. Всё равно что смотреть запись футбола по телевизору, зная счёт, когда рядом искренне волнуется товарищ, не знающий этого счёта.

Я решил прорицать только в случаях крайней необходимости, когда есть возможность реально помочь людям.

Такой случай представился.

Макс в воскресенье утром поехал с отцом на подлёдный лов. Была середина апреля. По радио предупреждали, что выход на лёд опасен.

В понедельник, придя в школу, Макс сообщил, что на его глазах оторвало льдину с пятью рыбаками, среди которых был друг отца. Льдину унесло в залив. Рыбаков искали вертолёты, но не нашли. Вероятно, все утонули.

После уроков я отправился домой и перевёл часы на два дня назад, чтобы сообщить Максу о возможном несчастье.

- Туда, куда вы собираетесь, ехать нельзя. Может оторвать льдину, сказал я.
 - Ты точно знаешь? обеспокоенно спросил Макс.
 - Точно.

Моя репутация прорицателя была настолько велика, что он не осмелился спорить.

- А куда мы едем? спросил он.
- Как куда? На рыбалку.
- В какое место? Мы с отцом ещё не знаем. За нами должны заехать.

«Вот тебе и раз! — подумал я. — Я же забыл спросить у него, где они были».

- Никуда нельзя. Сидите дома, сказал я. И другим скажите.
- Да это и по радио говорят. Всё равно все едут... засомневался Макс.
 - Я тебе говорю пятеро утонут! разозлился я.
 - И мы с отцом? поинтересовался он.
 - Вы нет, неохотно признался я.
 - Тогда какого чёрта! Мы едем.
 - Слушай, ты! Сиди дома, говорят! И особенно по-

советуй сидеть дома приятелю отца! Он, считай, уже труп! — заорал я, не зная, как его убедить.

Макс испугался, обещал поговорить с отцом, хотя сомневался в том, что тот поверит моим предсказаниям.

Мы вышли из школы.

- Слушай, а может, обойдётся? с надеждой спросил Макс.
- Пятеро утопленников. Я сказал, прохрипел я, как Жеглов в кинофильме «Место встречи изменить нельзя».

Внезапно я заметил на улице скопление народа. Стояла милицейская машина, рядом грузовик. Отчаянно визжа, к месту происшествия летел рафик «скорой помощи». Мы с Максом поспешили туда.

Когда мы подбежали, в открытый рафик вдвигали носилки. На них лежала девочка. Её только что сбил грузовик.

- Видишь! А ты не веришь, сказал я Максу.
- Так это же... опешил он.

Я вернулся домой злой. Делаешь людям добро, а они не хотят верить! Но что-то ещё сидело в душе. Какая-то зловещая догадка.

И вдруг меня осенило. Девочка! В прошлую субботу, до прыжка, мы с Максом не видели никакого уличного происшествия. Правда, мы с ним и о рыбалке не разговаривали. Тогда мы просто собрали портфели и пошли домой. Может быть, девочку сбило позже? Вряд ли... Если бы возле школы случилось такое, нам бы наверняка сообщили об этом в понедельник, чтобы ещё раз напомнить о необходимости соблюдать правила движения. Выходило, что это я убил девочку своим возвращением назад. Рыбаков спас или не спас — ещё неизвес-

тно, а девочку уже угробил. Вот она, непредвиденная флуктуация хода времени...

Я схватил часы и опять полетел назад, в школу. Во времени, разумеется. На этот раз я не стал предупреждать Макса, а сразу повлёк его за собою на улицу.

- Куда ты летишь? недоумевал он, едва поспевая за мною.
 - Нужно предотвратить несчастье!

Мы прибежали к тому месту и проторчали там битый час, кидаясь на всех мало-мальски похожих девочек, дабы предотвратить беду. При этом едва не угодили в милицию. Происшествия не случилось, однако я не уверен, что благодаря нам. Неизвестно, проходила ли мимо та девочка. Неизвестно, проезжал ли тот грузовик, ибо номера я не запомнил. Может быть, в этом повторе времени девочка пошла по другой улице? Откуда я знаю!

«Да, это тебе не повторение гола по телевизору, — подумал я. — Тут всё тоньше».

Макс негодовал.

- Может, ты скажешь наконец, чего мы здесь мечемся?! Чего ты бросаешься на третьеклассниц?!
 - Мы спасли человека, сказал я ему, вытирая пот.
- Теперь спасём ещё пятерых.
 - Ну ты логопед... протянул он.

И я начал снова рассказывать про льдину, убеждать. На этот раз Макс практически мне не поверил, но обещал всё же сказать отцу об опасностях подлёдного лова в апреле. Настроение у меня было испорчено на два дня.

В повторный понедельник Макс, сияя, рассказал, что они всё же ездили на Финский залив, никого не оторвало, никто и не думал тонуть.

— Вот так, прорицатель! — сказал он язвительно.

Этот случай заставил меня крепко подумать о своих возможностях. Не переоцениваю ли я их? Заманчивая перспектива стать благодетелем человечества, исправлять роковые случайности на поверку оборачивалась томительной беготнёй по времени, этаким мельтешением; причём когда я довёл этот вариант до логического конца, то получилось, что я вообще не смогу двигаться дальше, буду вечно торчать, а вернее, дрожать возле какого-то момента времени, хотя бы в ту же прошедшую субботу.

В самом деле, на Земле ежедневно происходит масса роковых случайностей и катаклизмов, печальных последствий которых можно было бы избежать, если бы знать о них заранее. В ту же субботу, то есть уже в повторную субботу, сидя у телевизора и размышляя о своей миссии в истории, я узнал из программы «Время» о землетрясении в Перу. Погибло несколько тысяч человек.

По идее мне нужно было опять прыгать назад и посылать срочную телеграмму в Перу, или в ООН, или не знаю куда с предупреждением об опасности. Даже если предположить, что мне сразу и безоговорочно поверят, что тоже представлялось сомнительным, я не мог гарантировать эффективности своего шага. В тот повторный отрезок времени, когда в Перу могли спать спокойно, убежав подальше от эпицентра, на Земле случились бы другие роковые события, которых в первый раз не произошло. Тут полная аналогия с девочкой, попавшей под машину. Выходило, что я одной рукой спасал, а другой убивал. При этом спасал я погибших случайно, по воле небес, как говорится, а те, кто умирал при повторе событий, были исключительно на моей совести. Ведь

они уже благополучно проскочили данный отрезок времени и лишь благодаря тому, что я заставил их жить вторично, попали в страшную переделку.

Я футбольный болельщик, хотя и не принадлежу к «фанатам», заполняющим тридцать третий сектор стадиона имени Кирова*.

Так вот, рассматриваемую ситуацию можно сравнить с повторным пенальти, когда вратарь взял мяч, а судья просит перебить. Конечно, при повторе мяч влетает в сетку. Мне всегда обидно за вратаря, я ему сочувствую.

Мог ли я по своей воле уподобить тысячи людей на Земле этому вратарю, уже взявшему мяч, но проигравшему при повторе?

Мне вспомнились два крылатых изречения, как нельзя лучше подходящие к моим выкладкам. «Благими намерениями вымощена дорога в ад» и другое, попроще: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

Это цинизм, согласен. Ведь речь идёт о человеческих жизнях. Но это честный цинизм.

Я решил не взваливать на себя обязанности врачареаниматора «скорой помощи», тем более что моя «скорая помощь» мчалась к больному так неосторожно, что по пути наносила увечья здоровым.

^{*} В 1970—1980-х годах тридцать третий сектор стадиона имени С.М. Кирова был местом сбора наиболее активных болельщиков ленинградского футбольного клуба «Зенит» — тех, кто стоял у истоков его фанатского движения. В память об этом 33-й сектор даже упоминается в гимне болельщиков «Зенита». Сам стадион, расположенный на Крестовском острове, в течение многих десятилетий был крупнейшим в городе, а в иные годы — и в стране. Сейчас на его месте построена «Газпром Арена».

Кроме того, в одиночку всюду не поспеешь. Мои альтруистические порывы на деле выглядели бы так: предупредил кого-то, спас, узнал о новом несчастье, прыгнул назад, предупредил, узнал, прыгнул, предупредил, узнал... И так до бесконечности.

«Прыг-скок, прыг-скок — обвалился потолок», как поётся в одной милой песенке.

Мне страшно было подумать только об одном: что же будет, если беда случится с близким человеком? Однако проще решить, чем сделать.

Первые недели обладания часами, изрядно растянувшиеся для меня из-за бесконечных повторов, уже создали мне непререкаемый авторитет человека, предсказывающего будущее.

Странно, правда? Я знал только прошлое, а выходило, что угадывал будущее.

Ко мне беспрестанно обращались за пророчествами. Сначала мои одноклассники, потом их родители, потом друзья родителей... Популярность росла, как снежный ком. Я стал домашним пророком. Убедившись, что мои предсказания точны, ко мне валом повалили люди, беспокоящиеся о своём завтрашнем дне.

Людей чрезвычайно интересует будущее. Даже такой пустячок, как прогноз погоды на завтра, заставляет многих досматривать программу «Время» до конца. Несмотря на строгую научность синоптических прогнозов, это всё равно выглядит маленьким чудом: вчера сказали, что сегодня пойдёт дождь, и он в действительности пошёл.

Я стал синоптиком времени, если можно так выразиться. Мой метод был уныл и прост: желающий знать прогноз сначала получал моё уклончивое обещание по-

мочь. Затем я ждал вместе с ним — что будет, отпрыгивал в исходную точку и сообщал результат. Свалится ему на голову кирпич или нет, какое место завоюет он на соревнованиях по пинг-понгу и любит ли его Маша.

Я брался только за краткосрочные прогнозы, потому что долгосрочных замучаешься ждать. День-два, не более.

Очень быстро начала раздражать мелочность запросов от будущего. Помню, позвонила одна дама, дальняя родственница знакомых Толикиного отца. Её страшно интересовал вопрос: можно ли ей надеть сегодня в театр новое французское платье?

- Надевайте, в чём дело, сказал я.
- Серёженька, вы ещё молоды, вы не совсем понимаете... Платье очень оригинального покроя, но не пошитое на заказ, а купленное в магазине. Если в театре будет ещё хотя бы одна женщина в таком же платье это будет для меня удар!
 - Смело надевайте, посоветовал я.

В полночь она снова позвонила со слезами и угрозами. Оказывается, она наткнулась в театре на своё платье. Премьера была испорчена к чертям собачьим.

Я тут же возвратил время к нашему первому разговору, дождался её звонка и отчеканил:

— Ни в коем случае не следует надевать это платье. Там будет другая мымра в таком же.

На следующий день она прислала мне через Толика коробку конфет.

Я завёл специальную записную книжечку, где регистрировал точное время заказа, чтобы не терять ни минуты при возвращении. Теперь я прыгал точно к разговору с заказчиком, прямо к своей прорицающей фразе. И всё

равно эти скачки утомляли. Создавалось впечатление, что я не живу, а топчусь на одном месте. Я понял, что совершил ошибку, став пророком.

Мои родные тоже оказались втянутыми в эту историю. Только не папа. В погоне за международными событиями он всё время колесит по земному шару и не всегда успевает следить за внутренними делами.

Так он проморгал Светкино замужество, находясь в республике Мозамбик. Светка с Петечкой закончили школу и поступили в институт вместе. В принципе мы догадывались, что они когда-нибудь поженятся, не предполагали только, что это произойдёт так скоро. Но вдруг выяснилось, что им необходимо срочно вступить в брак. Я сначала не понял причины такой спешки, но потом догадался, что у Светки будет ребёнок. Папа слал тревожные телеграммы из Мозамбика, пытаясь понять, что у нас происходит. Наконец мама сообщила ему о свадьбе, и он прислал оттуда самолётом посылку каких-то плодов, названия которых никто не знал. Плоды мы съели.

Вот и теперь, отправившись в Японию, он упустил важную веху в моей биографии. Я понимаю, безработица в Японии много важнее, но и собственный сын нуждается во внимании. Пока я больше видел папу по телевизору в рядах демонстрантов с микрофоном в руках.

Впрочем, я не слишком огорчался. Папа с его деловыми качествами наверняка потребовал бы от меня предсказания международных событий, а я в этом деле не очень силён.

В глазах Светки я вырос до потолка. Раньше она относилась ко мне с лёгким пренебрежением, считая себя много старше. Особенно заважничала, когда вышла за-

муж и забеременела. То есть наоборот. Хотя «иметь детей кому ума недоставало». Я ведь классику помню. Петечка это подтвердил, завалив после свадьбы зимнюю сессию и отправившись рядовым в город Шауляй в Литве.

После предсказаний его звонков сестра стала подлизываться ко мне. Ей не терпелось узнать — кто у неё будет: мальчик или девочка?

- А кого тебе хочется? спрашивал я.
- Девочку.
- Мальчика, значит, будешь любить меньше?
- Да ты что?! Дурак!
- Тогда какая разница? философски спрашивал я.

Ждать, когда она родит, а потом вернуться назад и сообщить ей результат, было бессмысленным расточительством времени. Поэтому я уклонился от ответа.

Что касается мамы, то с ней сложнее. Она сразу почуяла неладное, лишь только у меня появились часы. А когда посыпались заказы по телефону, мама проявила характер.

Я завидую её характеру. Кремень. Иногда мне кажется, что дедушка — её отец, а не моего папы. У обоих есть — как бы это выразиться? — внутренние принципы, что ли. Мама, например, запрещает отцу привозить ей тряпки из заграницы. Он раньше пытался, она отдавала их подругам. Подчёркиваю: не продавала, а отдавала даром. Дарила. Она не навязывает нам своих взглядов. Мы-то со Светкой всегда ждём, что привезёт папочка.

У мамы колоссальная интуиция. Иногда мне кажется, что она — ясновидящая. Она всегда угадывает, когда папу покажут по телевизору с репортажем. Я не совсем понимаю — как она к нему относится. Вообще, мама — человек скрытный.

Так вот, когда моя популярность предсказателя стала сравнима со славою библейских пророков, мама не выдержала.

- Серёжа, может быть, ты объяснишь мне, что происходит?
- Ничего особенного. Я нашёл своё призвание. Буду пророчествовать, беспечно отвечал я, но сам насторожился.
- Дело не в этом. С нами последнее время происходит что-то странное. Я всё время ловлю себя на том, что всё повторяется. Понимаешь? Разговариваю с человеком, а кажется, это уже было. Меня не покидает ощущение, что это связано с тобой.
 - Да ты что! При чём тут я?!
 - Не знаю. Я и прошу объяснить.
 - Я не могу, потупился я.
 - Почему?
 - Я обещал не говорить.
- Хорошо, спокойно сказала она. Это твоё дело. Обещал молчать молчи. Но объясни тогда, как долго ты намерен заниматься обманом?
 - Каким обманом? возмутился я.
- Тем, что ты называешь прорицаниями. Ведь ты обманываешь. Я не знаю, как ты это делаешь, но знаю это обман.
 - Но ведь предсказания сбываются, возразил я.
 - Тем хуже. Значит, обман принимают за правду.
- Ну... Ты, в общем, права, замялся я. Это не совсем прорицания. Я просто знаю то, чего не знают другие.
- Я запрещаю, слышишь? сказала она тихо. Запрещаю.

Нужно знать мою маму, чтобы оценить её слова. Она никогда ничего не запрещала — ни мне, ни Светке. Это не значит, что мы не чувствовали её отношения к нашим поступкам. Но запрет как воспитательная форма был ею исключён. Может быть, поэтому я не курю и практически не пью вина. Толика нещадно секли за это — и вот результат: он курит с шестого класса.

В таких условиях нарушить запрет было мне не по силам. Да я и сам уже созрел, чтобы отказаться от пророчеств. Но как это сделать? Можно было просто отказаться от всяких предсказаний, но не хотелось выглядеть легкомысленным человеком в глазах окружающих. То он знает будущее, то не знает. Пророк — он всегда пророк. Лучше всего было бы уничтожить само воспоминание о моём неожиданном даре. Для этого необходимо было прыгнуть назад, к моменту моего первого предсказания, и жить снова, уже не пытаясь быть пророком. Это было самое мудрое решение.

Три вещи удерживали меня.

Во-первых, я опять оставался без часов и вынужден был дожидаться, пока дед в третий раз мне их подарит.

Во-вторых, утонувшие рыбаки и попавшая под машину девочка. Неизвестно, как будет с ними при новом повторе времени.

В-третьих, Марина.

Марина Осоцкая была самой красивой девочкой в нашем классе. Пожалуй, даже в школе. Может быть, и в микрорайоне. Мало того, она отлично училась и имела разряд по дельтапланеризму.

Я однажды видел, как она в Кавголове летала с горы. Горькое было ощущение. Никогда не поймать мне эту жарптицу. Я понимал, что не могу ничего предъявить в обмен на её исключительные качества. Зарубежные тряпки и

вещицы, которые привозил папа, могли подействовать на других девчонок, но не на неё. Ей надо было предъявлять своё собственное. А что у меня было? Три аккорда на гитаре да неплохое знание футбольных правил. Слабо.

Поэтому я и думать о Марине не смел, довольствуясь тем, что она дружила с Максом — моим другом. Макс прилично знает испанский, сам собирает аппаратуру и имеет диплом городской математической олимпиады.

Но вот после моих успехов в роли гадалки, или гадальца — так будет точнее, — я заметил, что Марина стала проявлять ко мне интерес. Она не лезла с просьбами, как другие, угадать, вызовут или не вызовут к доске. Её интересовала научная сторона.

Я опять начал туманно объяснять про подкорку и интуицию.

- Интересно, где была твоя интуиция год назад? задумчиво спросила она.
 - А что было год назад?
- Да так, ничего. Просто ты мне нравился, но совсем этого не замечал.

Вот это да! Сразу захотелось прыгнуть на год назад и заметить, чёрт подери! Но было обидно: с трудом наскребаешь годик жизни, так он медленно тянется — и вдруг выкидывать его и начинать сначала? Так я буду жить не вперёд, а назад. Ничего, теперь я знаю, что способен ей понравиться, теперь я окружён ореолом... Посмотрим. Я только не знал, как быть с Максом. Друг всё же.

А Марина всё продолжала разговоры со мной о подкорке и таинственных явлениях мозга. Макс начал дёргаться. Он напрягся и получил диплом по физике. Но что был его диплом по физике по сравнению с моим предсказанием, что он получит диплом по физике? Однако я всё равно чувствовал себя не в своей тарелке, будто завоёвывал внимание Марины с помощью папашиных вещичек. Ведь часы достались мне от деда. Никаких реальных способностей прорицателя я не имел.

После долгих колебаний я решил покончить с этим делом. Слегка согревала мысль о том, что этим я заглажу трещину, возникшую в нашей дружбе с Максом. А Марина... Что ж, если ей нужны пророки, пусть обращается к цыганкам.

В один миг я стёр своё прошлое. Я снова оказался в школьном коридоре, снова выслушал разговоры относительно тем сочинения, но не проронил ни слова. Можете представить себе отвращение, с которым я в третий раз писал одно и то же сочинение. Вероятно, из-за этого получил 4/4. И «четыре» в четверти.

Через десять дней я снова стал обладателем часов, причём на этот раз дед подарил мне их в больнице, куда он попал накануне моего дня рождения. Выглядел он совсем плохо. Я ничего не сказал ему.

Получив часы, я спрятал их подальше от глаз и снова прожил те два месяца, во время которых ранее непрестанно скакал туда-сюда, занимаясь прогнозами. На этот раз я вёл себя тихо, ничем не обнаруживая своих способностей, хотя иногда так и подмывало закричать во весь голос: «Ну что же ты делаешь! Через неделю ты будешь горько жалеть об этом!» Но я молчал.

Слава богу, в этом варианте рыбаки не потонули, а девочка не попала под машину. По крайней мере, на моих глазах.

Пора было задуматься о будущем, как говорила моя мама. Наличие часов сделало мысли о будущем вполне конкретными. Я мог не просто мечтать и строить планы, но, заглянув на несколько лет вперёд, проверить, что из них вышло.

Это было опасно. Всё равно что нырнуть в незнакомом месте на озере или в реке. Можно лоб расшибить. Возникала масса вопросов, и первый среди них: как не потерять связь с часами?

Я рассуждал так. Допустим, я выберу какой-нибудь момент будущего и прыгну туда. Я сам и все материальные тела, включая часы, займут положение, соответствующее тому моменту. Что, если в тот миг мы будем разлучены с часами? Я могу быть в командировке, в отпуске, а часы оставить дома... Вдруг мне настолько резко не понравится в будущем или возникнет такая опасность, что нужно будет срочно прыгать обратно? А часов нет.

Я решил впредь не расставаться с часами. Для этого я приобрёл тонкую и прочную стальную цепочку, продел её в ушко, имевшееся на крышке часов, и стал носить их на шее, как медальон. Скоро я привык к ним, часы мне не мешали, ибо ничего не весили. Чтобы они не блуждали под рубашкой, я приклеил к задней стороне пятак. Эпоксидной смолой. Слегка волнуясь за часы, принял ванну. Часы выдержали купанье, в чем я практически не сомневался: волшебные часы наверняка изготовили водонепроницаемыми и противоударными.

Маме и Светке я объяснил, что теперь такая мода.

- А что в медальоне? поинтересовалась сестра.
- Портрет Джона Леннона, соврал я.
- Покажи!
- Не покажу. Это святыня.

Светка отстала.

Конечно, я не мог гарантировать, что медальон и в будущем всегда окажется при мне. Мало ли что может случиться. Но я рассчитывал, что привычка носить его на шее закрепится на всю жизнь, а значит, риска при скачках будет меньше.

Но что значил этот риск в сравнении с главной опасностью, о которой я боялся даже подумать. Я мог залететь туда, где меня уже нет. Длина прыжка роли не играет. Следующий день или следующий год — никто из нас не знает своего последнего часа.

Оттуда уже не вернуться.

Вот эта-то мысль и не давала мне покоя. Рассуждая логически, впредь нельзя было прыгать ни на одну минуту, если хочешь получить стопроцентную уверенность в возвращении.

Но тогда на кой ляд мне эти часы? Назад — неинтересно, вперёд — страшно. Оставалось только проверять по ним время.

А жизнь накатилась свежая, неповторимая и прекрасная. Я соскучился по ней. Каждый день таил неожиданности: я купался в них, радуясь и огорчаясь, временами совершенно забывая о том, что у меня под рубашкой, как мина замедленного действия, болтаются волшебные часы.

Мы закончили девятый класс и поехали в КМЛ — комсомольско-молодёжный лагерь* — пропалывать овощные культуры. Макс не поехал с нами. Его как по-

^{*} Летние трудовые лагеря для старшеклассников появились в СССР в конце 1950-х годов. Организовывались они в основном по инициативе молодых людей, членов комсомольской организации, и потому часто назывались комсомольскомолодёжными лагерями (КМЛ). Сначала в такие лагеря ездили добровольно, в более поздние годы туда могли направлять от школы. В КМЛ старшеклассники жили на территории колхозов и совхозов. В первой половине дня они работали, например, пропалывали грядки, но зато после обеда были предоставлены сами себе.

бедителя городской олимпиады по физике премировали путёвкой в Карпаты. Марина расценила это как предательство. Кажется, перед отъездом они поссорились.

После того как я остался прежним обыкновенным человеком, её отношение ко мне тоже осталось прежним. Я был всего лишь другом Макса, не более. Но всё же я, благодаря дружбе с Максом, был к ней ближе, чем любой другой из нашего класса, поэтому само собою получилось, что в КМЛ мы продолжали быть вместе: пропалывали одну грядку, бегали купаться и ходили на дискотеку, которую два раза в неделю устраивали нам шефы.

Макс незримо присутствовал при всех наших разговорах с Мариной, хотя она о нём не упоминала. Между нами возникла молчаливая договорённость сохранять статус-кво, хотя над нами посмеивались, называя меня заместителем Максима Кириллова.

Особенно усердствовал Толик, что меня удивляло. Видимо, он сам хотел бы стать заместителем Макса.

Медальон у меня на шее, конечно, заметили и тоже острили по этому поводу. Особенно интриговал всех пятак, приклеенный на обратной стороне. Марина тоже спросила, что там внутри. Это было, когда мы после прополки загорали на берегу озера.

Я молча нажал на замочек и откинул крышку часов.

- Oго! сказала она. Откуда у тебя это?
- Дед подарил, сказал я.Какие лёгкие! удивилась она, беря часы в руку. Цепочка у часов была короткой. Я нарочно сделал её такой, чтобы часы было трудно снимать через голову. Поэтому Марине пришлось наклониться к моей груди, чтобы лучше рассмотреть часы. Её лицо оказалось близко-близко. И я внезапно её поцеловал. Клянусь, что это произошло помимо моей воли.

Я ожидал, что она возмутится, чего доброго влепит пощёчину. Но она задумчиво повертела часы в руках и спросила:

— А пятак-то зачем?

Я хотел ответить, но задохнулся. Сердце билось так громко, что я боялся, как бы она не услышала. Марина отпустила часы и улеглась на камне лицом вниз. Я тоже спрятал лицо. Оно пылало. Минут пять мы лежали молча. Потом я сказал:

- Там дырка в корпусе. Я её заклеил.
- А-а... сказала она.

Мы ещё полежали.

— Пойдём погуляем, — сказала она.

Сердце подпрыгнуло у меня до зубов. Я натянул джинсы и майку, стараясь не смотреть на Марину. И мы пошли по берегу озера.

Незаметно мы отклонились в лес и пошли по мягкому мху, пружинящему под ногами. У меня внутри было состояние невесомости. Мы молчали.

В лесу было тепло и тихо, как в старом доме, когда протопили печку. Берёзы светились из-за сосен розовым светом. Солнце просвечивало листочки, как рентген. Пахло почему-то дыней, хотя дынь нигде не было видно. Гдето далеко-далеко, будто в другой стране, ухала кукушка.

— Считай, — сказала Марина, оборачиваясь ко мне. Мы остановились и стали считать кукованья. Кукушка куковала долго и щедро; видно, ничто ей не мешало. Она накуковала нам целую жизнь.

- Сто семнадцать, прошептала Марина.
- И у меня, сказал я.
- Неужели мы проживём сто семнадцать лет! засмеялась она.

— Вместе... — еле слышно добавил я.

Она строго посмотрела на меня в упор, но ничего не сказала. А я подошёл к ней и обнял. Дальше я плохо помню. Мы стояли среди деревьев в пустом, пронизанном солнцем лесу и целовались. Может, час. Может, два. Солнце скатилось низко. Лес потемнел.

Нам страшно было оторваться друг от друга, страшно прийти в себя, потому что нас подстерегал один и тот же вопрос.

— А как же Макс? — наконец спросил я, отрезвев.

Она повернулась и пошла прочь, поигрывая травинкой. Мне показалось, что такой я её запомню на всю жизнь — беспечно идущую по мягкому мху и поигрывающую травинкой.

Мы пришли в лагерь к дискотеке. Танцевали вместе. И никто не сказал нам ни слова. Даже Толик.

Засыпая в тот вечер, я подумал, что это был самый счастливый день в моей жизни.

Так в чём же дело?! Меня так и подбросило на койке. Я хочу быть с Мариной, я хочу, чтобы это продолжалось до бесконечности! Вот они, часики... Я встал с кровати и, стараясь не разбудить спящих товарищей, на цыпочках вышел в коридор. Там включил свет и переставил стрелки и календарь на вчерашний день — на тот именно час, когда мы, закончив прополку, потянулись к озеру.

Прополку я не включил в число счастливых минут вчерашнего дня. Щёлкнула крышка часов, дрогнуло пространство — и я опять оказался рядом с Мариной.

Мы снова лежали на том же огромном, нагретом солнцем валуне, покато сбегавшем в озеро. И я снова показывал ей часы, с нетерпением ожидая, когда она наклонится ко мне. И опять в первый раз поцеловал. Сердце

вновь билось громко, но не так часто, как вчера. На этот раз Марина слегка отодвинулась и сказала мягко:

— Не надо, Серёжа...

А потом был лес, и мягкий мох, и мы уже не стояли, а лежали в нём, обнявшись и заглядывая друг другу в глаза...

Простившись с Мариной после дискотеки, я тут же возвратил время вспять и вновь оказался с нею на валуне.

Этот фокус я проделал пять раз. Пять дней подряд мы были с нею вместе, пока это не начало напоминать мне сок манго. Да и она вела себя не совсем так, как впервые, будто знала о наших возвращениях. Сердце моё стучало ровно и уверенно, я действовал по программе, заранее зная, в какой момент поцеловать, где заглянуть в глаза...

На пятый день вышел конфуз. После первого поцелуя она вскочила на ноги, возмущённо воскликнув:

— Перестань, Мартынцев!

Я успокоил её, подождал, пока она остынет, и пригласил на прогулку в лес, надеясь там отыграться. Всё было прежнее — и солнце, и мягкий мох, и розовые берёзы... Запах дыни, правда, исчез, да кукушка, отсчитав нам десяток лет, умолкла.

- Десять лет... недовольно протянула Марина.
- Зато наши. Ведь мы будем вместе, уверенно сказал я.
 - С чего ты так решил?

Я шагнул к ней, обнял и поцеловал, увлекая на мягкий мох, как делал это уже неоднократно. Но она вдруг принялась вырываться и орать:

— Пусти! Ты с ума сошёл! Пусти, слышишь?!

Я разозлился. Нельзя же вести себя так непоследовательно! Отчаянно сопя, я продолжал обнимать её, ловя губами ускользающее лицо.

- Пусти, дурак!
- Ты же любишь меня. Сама говорила, тяжело дыша, выложил я козырь.
 - Я?!

Надо было видеть её лицо.

- Всё равно мы будем вместе, упрямо сказал я.
- Очень ты мне нужен!
- Вот увидишь.

Она поднялась, отпихнув меня, и пошла прочь, поигрывая травинкой. Однако совсем не так, как в первый раз. «Ну ладно! — мстительно подумал я, нащупывая часы под майкой. — Я тебе покажу!»

Впоследствии я не раз жалел, что первый свой скачок вперёд совершил в состоянии аффекта. И этого уже не поправить. Я мог стереть в памяти чужой опыт. Мой навсегда оставался при мне.

Очень уж мне хотелось тогда сразу доказать ей свою правоту. Я был уверен в том, что женюсь на ней, когда мы немного подрастём. Зря, что ли, мы пять дней подряд обнимались и целовались?

Страха перед будущим в тот момент не было. Я помнил, что кукушка обещала не менее десятка лет. К чёрту кукушку! Лихорадочно сообразив, что на доказательство потребуется лет шесть, пока мы закончим школу и институт, я перевёл календарь на шесть лет вперёд, оставив дату прежней. Я уже хотел щёлкнуть крышечкой, но тут сообразил, что неплохо было бы поменять час, чтобы не попасть сразу, как кур в ощип, в незнакомую ситуацию. Пускай это будет ночь. Утром проснёмся, поглядим...

Марина скрылась за берёзами. Интересно, где мы с ней окажемся через шесть лет? Я представил себе почему-то туристскую палатку — в это время у нас, наверное, будет отпуск, — а в ней мы с Мариной в лесу, на берегу озера. На приколе покачивается наша двухместная байдарка... Я приложил часы к шее и нажал на крышку.

Проснулся я от невероятно громкого звука трубы, разносящегося от громкоговорящей трансляции. В то же мгновенье в глаза ударил яркий свет. Я подскочил на кровати, с ужасом озираясь.

Я находился в длинном помещении, уставленном рядами двухэтажных железных коек. Между койками молча, с лихорадочной быстротой натягивали военную форму абсолютно незнакомые люди. Я инстинктивно потянулся к груди. Слава богу, часы на месте! Я открыл их и посмотрел время. Четыре часа ночи...

— Серёга, чего сидишь? Тревога! — снизу вынырнуло симпатичное, но тоже совершенно незнакомое лицо, а до меня дошло, что я нахожусь на верхней койке.

Я неловко соскочил вниз, чуть не угодив на моего нижнего соседа, и схватился за зелёные солдатские галифе. Делать, как все, ничего не спрашивать! Война, что ли?!

В первый же момент я сообразил, что не имею решительно никакого понятия о тех шести годах, через которые я перепрыгнул. Полная пустота.

— Серёга, ты чего? Не проснулся? — с удивлением воскликнул нижний сосед, вырывая из моих рук галифе. — Это мои. Вот твои!

Он указал на тумбочку, на которой аккуратно была сложена солдатская форма. Взглянув на погоны, я убе-

дился, что я — ефрейтор. «Негусто!» — промелькнуло у меня в голове.

- Где носки? спросил я соседа.
- Шутишь! он захохотал, указывая на портянки, висевшие на нижней перекладинке койки.

Все вокруг уже бежали куда-то, топоча сапогами по крашеному деревянному полу.

С портянками пришлось помучиться. Раньше я теоретически знал про портянки, но не предполагал, что их так неудобно обматывать вокруг ноги. Когда засовывал ноги в сапоги, портянки съехали на голень. Застёгивая на ходу ремень, я побежал за соседом.

Мы выбежали из казармы и оказались на строевом плацу, освещённом двумя прожекторами. Было жутковато. Солдаты спешно строились в шеренги, я старался не терять из виду соседа, бежал за ним, как привязанный.

Он занял место в строю, я вытянулся рядом. Он больно толкнул меня в бок локтем.

— Не тут твоё место!

Я понял, что нужно встать по росту. Он был значительно ниже меня. Пробежав вдоль строя, я втиснулся наугад между двумя одинаковыми со мною по росту солдатами.

— Мартынцев опять позже всех, — проговорил прапорщик, стоявший перед строем с секундомером.

Секундомер меня несколько успокоил. Похоже, что не война. Вряд ли на войне засекают время построения секундомером. Похоже, учебная тревога.

Прапорщик произвёл перекличку. Все кричали: «Я!» — и я тоже крикнул: «Я!»

Перед строем появился капитан.

- Здравствуйте, товарищи!
- Здра-жла-трищ-тан! дружно прокричали мы.
- Наша рота получила боевое задание: занять высоту пятьсот тридцать один на направлении предполагаемого удара противника, опрокинуть и смять его контратакой...

«Опрокинуть и смять... — повторил я про себя. — Значит, всё-таки война».

— Командирам взводов приступить к выполнению задания! — закончил капитан.

Слева вышел из строя лейтенант, по-видимому наш командир взвода. Он повернулся к нам лицом и крикнул:

— Взвод, слушай мою команду! Напра-во!

Я повернулся правильно. Это сильно меня взбодрило.

— Шагом марш!

Мы куда-то потопали.

«Вот влип! — думал я, шагая. — И назад не прыгнуть, некогда!»

С другой стороны, мне было интересно, как мы будем опрокидывать и мять какого-то противника.

Мы притопали к длинному низкому зданию с зарешёченными окнами. Над обитой железом дверью качался фонарь. Рядом стоял часовой.

— Разобрать оружие! — скомандовал лейтенант.

Все побежали к двери, я тоже. За дверью оказался склад оружия. Сослуживцы стали хватать сложенные в пирамиды автоматы. Прапорщик выдавал магазины с патронами. Я немного помедлил, ожидая, когда они расхватают автоматы. В пирамиде остался один. Я схватил его. Прапорщик сунул мне магазин и сказал:

— Тебя с отделением выкинем у овражка. Бери свой пулемёт.

- А где он? я очумело оглянулся по сторонам.
- Не проснулся так тебя и так! крикнул он, разворачивая меня и придавая толчком нужное направление.

Я увидел нечто напоминающее пулемёт, схватил его — он был зверски тяжёлый — и устремился к выходу.

— Голубев, патроны захвати! — крикнул прапорщик.

Мой сосед по койке с двумя ящиками патронов под мышкой выскочил за мной. У дверей склада уже урчал грузовик с брезентовым верхом. Мы полезли туда. Через минуту мы мчались в ночи, прижав холодные стволы к подбородкам.

Все молчали. Я с надеждой посматривал на Голубева. Он подмигнул мне. «Нет, всё же не война...»

Грузовик затормозил.

- Мартынцев, выводи отделение на позицию. Займите оборону, в атаку по красной ракете! приказал лейтенант.
- Есть! крикнул я радостно. Отделение, за мной! И выпрыгнул из грузовика. За мною посыпались мои люди, в том числе Голубев с ящиками патронов. Я насчитал человек шесть. Грузовик умчался. Я обвёл взглядом подчинённых.
 - Занять позицию! скомандовал я.
- Кончай панику пороть, Серёга, сказал Голубев. Покурим.

Все достали из гимнастёрок сигареты и расселись под деревьями, прислонив автоматы к стволам. Я тоже уселся и потянулся к карману. Оказалось, я курю сигареты «Лайка». Пришлось прикурить и с отвращением затянуться. Дикая гадость.

— Уже ползут, — кивнул в сторону низкорослый парень с раскосыми по-якутски глазами.

Я взглянул туда. Противоположная сторона оврага полого спускалась к маленькой речке, над которой стоял белёсый туман. В предутренней мгле из тумана выплывали чёрные контуры танков. За танками неслышно двигались человеческие фигуры с автоматами наперевес.

Надо стрелять... — неуверенно сказал я.

Вдруг из переднего танка вырвалось короткое пламя, и в ту же секунду над нашими головами с уханьем и свистом пронёсся снаряд.

- Командуй, чего сидишь?! Голубев вскочил на ноги.
- Отделение, слушай мою команду! я тоже вскочил. По врагу короткими очередями... Патронов не жалеть!.. Умрём, но не сдадимся!

Все с интересом смотрели на меня.

- Ребята, ну давайте же! взмолился я. Устанавливайте эту штуку! я показал на пулемёт.
- Твоя же работа! Голубев бросился к пулемёту, принялся его разворачивать.
 - Я не умею, развёл я руками.
- Сдрейфил командир, констатировал Голубев, припадая к пулемёту и наводя его на атакующих.

Мои солдаты залегли за деревьями. Началась бешеная стрельба. Я отполз в сторону, отложил автомат и дрожащими руками вынул из-за пазухи часы. Мимо свистели пули. Надо было срочно сматываться, учитывая обстановку. Но куда? В будущее не очень хотелось. Надо назад, к маме... Рядом взорвалась граната. Меня обсыпало землёй. «Что-то слишком круто для холостых...» — успел подумать я, переводя стрелки, и стал нажимать на головку календаря. Замелькали годы в окошечке, месяцы, дни... Я окинул прощальным взглядом своё

сражающееся отделение и щёлкнул крышкой. В этот миг я чувствовал себя дезертиром.

Слава богу, я оказался дома, в своей комнате. Первым делом я взглянул на часы и убедился, что попал в тот же год, из которого прыгнул вперёд, но не в июнь, а в август. Следовательно, КМЛ был уже позади. Оно и к лучшему: неизвестно, как смотреть в лицо Марине после вчерашней истории. Я стал анализировать итоги первого прыжка в будущее. Армию я разгадал быстро. Если это не было настоящей войной, в чём я был почти уверен, то, значит, я отбывал службу после института. Какого? Интересно было бы узнать.

Гораздо больше меня волновало другое, а именно — полное отсутствие в памяти информации о прошедших в промежутке годах. Я ведь как-никак их прожил. Не свалился же я с Луны прямо в казарму. Тот же Голубев, и прапорщик, и лейтенант прекрасно меня знали. А я их — нет. Выходит, что некто, называвшийся Сергеем Мартынцевым, служил с ними, учился стрелять из пулемёта, дослужился до ефрейтора, а потом в один миг всё позабыл, когда в него из КМЛ впрыгнул я? Странная картина.

Рассуждая логически, этот Сергей Мартынцев остался там, у овражка, стрелять по танкам, когда я из него выпрыгнул. Но вернулась ли к нему прошлая память? Научился ли он снова стрелять из автомата? Совершенно неизвестно...

Какая-то чертовщина получается: я был здесь, дома у мамы, и одновременно служил в армии, но в другое время, шесть лет спустя. Более того, пока я прыгал туда и обратно, на что ушло не более двух часов, прежний я успел прожить пару месяцев, уехал из КМЛ, потом был

неизвестно где, а теперь сидит дома и ломает голову. Я совершенно запутался. Что же это за время такое?

Или: что это за времена? Судя по всему, их довольно много. Надо срочно поговорить с дедом, решил я.

- Серёжа, ты готов? раздался из другой комнаты голос мамы. «К чему?» испугался я, оглядываясь. Тут я понял, что переодеваюсь, поскольку был в трусах и в одном носке. На стуле висел мой чёрный вельветовый костюм. Значит, мы с мамой куда-то идём.
- Сейчас! крикнул я, принимаясь быстро одеваться. В комнату вошла мама. Лицо у неё было строгое. Под глазами я заметил мешки. Мама была в тёмном платье с чёрным платочком вокруг шеи.
 - Пошли, сказала она.

В коридоре нас ждала Светка. Живот у неё заметно подрос. Она тихонько всхлипывала, утирая кончиком платка слёзы. Я почувствовал, что произошло что-то ужасное и непредвиденное, но спросить боялся. Мы молча пошли по лестнице.

У подъезда стояло такси. Мы уселись в него так же молча.

— Пожалуйста, к Военно-морской академии, — сказала мама.

И тут я догадался.

У подъезда академии стояла вереница машин и автобусов. Нас встретил офицер и повёл маму под руку вверх по лестнице. Мы с сестрой шли сзади.

Двери актового зала были широко раскрыты. В них бесшумно входили люди. Из зала выплывала траурная мелодия.

Посреди зала на возвышении стоял гроб, обтянутый красной материей и окружённый венками с траурными

лентами. В гробу лежал дед в адмиральской форме. У гроба навытяжку стояли курсанты с карабинами. Блестели примкнутые штыки.

Нас усадили на стулья с правой стороны.

В зал входили люди, возлагали цветы, оставались стоять, глядя на деда. Он лежал с плотно сомкнутыми губами, будто улыбаясь загадочно и горько. Мне было страшно смотреть на него. К нам подходили, шептали какие-то слова. Потом началась панихида.

Слова с трудом доходили до меня. «Крупный флотский военачальник», «честный и принципиальный», «беззаветное служение Родине». Мне вспомнилось, как он подмигнул мне, даря часы. Он унёс с собою их тайну.

Шестеро офицеров подняли гроб на плечи и понесли к выходу. Впереди колыхалась вереница венков и бархатных подушечек с дедовскими орденами.

В автобусе дед лежал в закрытом гробу между мною и мамой. На крышке покоились его адмиральская фуражка и кортик. Он так и не подарил его мне.

На кладбище, улучив момент, я отодвинулся назад и, пригнувшись, скрылся за могильными крестами и памятниками. Гроб уже опускали в могилу. Глухо стучала земля о крышку. Вдруг ударил в небо залп ружейного салюта. Я стоял рядом с мраморным крестом, на котором потускневшим золотом была выбита надпись: «Фёдор Фёдорович Горбыль-Засецкий, адвокат». На мраморной плите стояла маленькая и тоже мраморная скамеечка. Я присел на неё, и рука сама потянулась к груди, отыскивая часы.

За что он так наказал меня? Ведь я не могу жить дальше, зная, что он лежит тут, засыпанный тёплой летней землёй. Я со страхом взглянул на матовый воро-

нёный циферблат, в первый раз понимая, что за вещь у меня в руках. Остальное было делом минуты. Я прыгнул назад ровно на две недели.

...И оказался под водой. Час от часу не легче! Судорожно двигая руками, я попытался вынырнуть, но мне кто-то не давал. Меня держали за плечи, толкали вниз... Вода клубилась пузырьками воздуха. Я собрал последние силы, сбросил чужие руки и вынырнул на поверхность. Передо мной были радостные лица Макса и Толика. Не раздумывая, инстинктивно, я двинул Макса в нос кулаком.

— Ты чего?! — опешил он. — Психованный, что ли? Кажется, он обиделся и поплыл к берегу надменным правильным брассом. Толик последовал за ним.

Я осмотрелся. Мы были в Озерках. На пляже валялись загорающие.

Я поплыл к берегу. Там сидели и лежали наши, среди них Марина. Ни на кого не глядя, я нашёл свою одежду, быстро натянул её и пошёл прочь.

- Серый, ты куда? Мы же только приехали! кричали сзади.
- Прижали мы его, он испугался, объяснил Толик. Плевал я на них! Испугался... Я деда только что хоронил. Я примчался домой и первым делом осторожно выведал у Светки, где находится дед.

Она пожала плечами: дома...

- А как он себя чувствует?
- Прекрасно. А зачем тебе?

Я набрал номер телефона.

- Дед, это я, Сергей. Можно к тебе приехать?
- Милости прошу, ответил он удивлённо.

Я поехал к нему.

Вот эти минуты были самыми страшными — когда я ехал в трамвае к деду. Меня прямо трясло. За последние несколько часов я пережил неудачное объяснение с Мариной в лесу, танковую атаку, похороны деда и едва не был утоплен. Ощущения, прямо скажем, разнообразные. Но не это главное. Перед глазами стояли плотно сомкнутые губы деда в гробу.

Он встретил меня приветливо.

- Заходи... У тебя появились новые вопросы?
- Почему новые?
- Ну ведь мы же с тобою вчера беседовали. Ты мне рассказывал о своих прыжках, как ты их называешь. О своих ужимках и прыжках. Не обижайся. Вы помирились с Мариной? Кажется, сегодня ты хотел ей что-то сказать в Озерках?

«Любопытная информация», — подумал я, проходя в кабинет.

Там всё было по-старому. На столе лежала толстая тетрадь в кожаном переплёте. Она была раскрыта на последних страницах, усыпанных ровным, мелким почерком деда.

- Что ты пишешь? спросил я, кивнув на тетрадь.
- Мемуары... сказал он, как-то странно взглянув на меня.
 - Для издательства?
- Для тебя, дед начал раздражаться. Я считаю, что каждый человек должен оставить воспоминания о себе для своих потомков. Хотя бы краткие. Наступает час, когда они необходимы сыну или внуку. Впрочем, мы с тобою говорили об этом вчера. Ты забыл?..

Видимо, на этот раз уже я посмотрел на него странно, потому что дед склонил голову набок, озадаченно причмокнул губами, и сразу его осенила догадка.

- Ты прыгал?
- Да, потупился я.
- Ага, и это произошло до вчерашнего нашего разговора. Ты прыгал вперёд, поэтому ничего не знаешь о том, что произошло с тобою здесь, удовлетворённо кивал дед, распутывая загадку. А сейчас ты вернулся и пребываешь в недоумении...

Я потупился ещё сильнее.

— Ну и как там, в будущем? Какие новости? — спросил он с виду беспечно, но, как мне показалось, с затаённой тревогой.

Я поднял лицо. Это было мучительно. Мы встретились глазами, и дед всё прочитал в моих глазах.

— Садись, Сергей... — Он направил меня к креслу, по пути лёгким движением дотронувшись до груди, где под рубашкой покоились часы. — Часики на месте. Молодец... Я в своё время не догадался всегда иметь их при себе... Молодец.

Я уселся в кресло, дед — напротив. С минуту он смотрел на меня, а точнее, сквозь меня.

— Когда это случится? — вдруг тихо спросил он.

Я посмотрел на него с мольбой. Я не мог сказать ему, когда он умрёт.

— Понимаю. Не надо, — остановил он меня. — Надеюсь, я успею закончить это, — дед взглянул на тетрадь. — Значит, ты вернулся из-за меня?

Я кивнул.

- Напрасно. Живые не должны встречаться с мёртвыми. Это противоестественно. Они должны лишь помнить о них...
- Дед, возьми их назад, я вытянул часы за цепочку, и они повисли у меня в руках, как гирька убийцы.

- Спрячь, поморщился он. Неужели ты думаешь, что я отступлю перед смертью? Я с нею не раз встречался. Это неприятная дама, не скрою, но можно стать сильнее её. Тем более когда знаешь, что жизнь и смерть относительны.
 - Как? не понял я.
- Это следствие феномена часов. Ты ещё не понял? Значит, ты не дал себе труда подумать над ними. Слушай меня внимательно. Это всё чисто логические умозаключения.

И дед прочитал мне теорию часов, то есть теорию пространства-времени, которую он вывел из свойств этого удивительного прибора. Конечно, это не было строгой физической теорией — дед не обладал для этого необходимыми знаниями, — но кое-какие понятия об относительности пространства-времени он имел, что, кстати, меня удивило.

Дед сказал, что время — не единственно. Времён — бесчисленное множество. Точнее — временных пространств, как он выразился: это то же самое, что четырёхмерное время-пространство у Эйнштейна, с той лишь разницей, что там оно одно, а на самом деле их бесконечно много. Правда, я уже предупреждал, что означают слова «на самом деле». Все эти пространства пересекаются в одной-единственной точке. Эта точка и есть мои часы, как вы догадались. Каждое временное пространство можно сравнить с плёнкой бесконечного кинофильма, где кадрик за кадриком зафиксированы все состояния Вселенной. С помощью часов мне удаётся совмещать кадрики разных пространств, будто прикладывая одну плёнку к другой, и перескакивать из кадрика в кадрик.

Далее я живу уже в новом пространстве, но с тем, старым, ничего не случилось. Кино крутится дальше. Более того, своим прыжком я порождаю новое временное пространство. Если я впрыгиваю в кадрик своей жизни где-то впереди, как это случилось, когда я попал в казарму, то я лишь мгновенье существую в нём, а дальше кино раздваивается: тот человек, который назывался Сергеем Мартынцевым и дослужился до ефрейтора, с твёрдой памятью и военными навыками, скорее всего успешно отразил атаку неприятельских танков, а я, впрыгнувший в кадр его жизни совсем из другого времени, повёл кино по другому пути и вынужден был бежать, оставив себя в лесу с автоматом в совершенно беспомощном состоянии. Следовательно, там, в будущем, сейчас крутились два сходных кино: в одном бравый ефрейтор Сергей Мартынцев отражал атаку, а в другом — тот же ефрейтор, внезапно потерявший память и воинский опыт, скорее всего позорно бежал с поля боя, бросив автомат, и должен был за это предстать перед судом военного трибунала.

Существенная разница, не правда ли?

- Так, значит, меня... нас много? пробормотал я.
- И тебя много, и меня много, и всех очень-очень много, весело сказал дед. Беда только в том, что мы не знаем о существовании друг друга. Иногда слабо догадываемся: всё-таки пространства влияют одно на другое. Тогда возникает слабая догадка, воспоминание, будто это уже с тобою было когда-то... Дежавю.
 - Что? спросил я.
- Дежавю. Ложная память... Отсюда же предчувствия и сбывшиеся предсказания. Каждый из нас живёт бесконечное количество жизней. В близких пространствах они

более или менее совпадают, в далёких — расходятся. Может быть, в каком-нибудь дальнем пространстве я ещё не родился. А в другом и не явлюсь на свет никогда... И тех, и других пространств — бесконечность. Следовательно? — спросил он, как наш учитель математики.

- Следовательно... тупо повторил я.
- Следовательно, бесконечное число моих «я» существовало, существует и будет существовать всегда! эффектно закончил дед.

С минуту до меня доходило.

- Так это же... бессмертие... пробормотал я.
- Правильно. Бессмертие, дед почему-то подхихикнул. Только от такого бессмертия мне ни тепло, ни холодно, поскольку я не общаюсь с другими своими «я».
 - Так вот же. Общайся, я опять протянул ему часы.
- Нет, Серёжа, он отстранил их. Я уже выбрал. Негоже на старости лет... — дед не договорил.

Он сделался серьёзен, ушёл в себя. Мы долго молчали.

— Значит, мне осталось совсем немного... — наконец произнёс он. — Ну что ж... Надо доделать свои дела. Ступай, Сергей.

Он уселся за стол, придвинул к себе тетрадь. Я поднялся тоже и стоял рядом, как истукан, не в силах тронуться с места.

— Ступай, ступай! — недовольно сказал он.

Я деревянно наклонился к нему, чтобы поцеловать.

— Вот ещё новости! В гробу поцелуешь! — раздражённо ответил он, отмахиваясь от меня, как от мухи.

Я поспешно покинул комнату.

Потянулись томительные дни, каждый из которых приближал роковую дату. Я не видел выхода из создавшегося положения. Не допустить смерти деда можно

было лишь одним способом: самому прекратить жить. Нет, не убивать себя, упаси бог, а просто болтаться по пространствам времени в пределах тех четырёх месяцев, что прошли от моего дня рождения. Я перестал есть и выходить на прогулки. Напрасно меня вызванивали друзья по телефону, не понимая, что со мною случилось. Мама, конечно, тоже заметила, но даже она не почувствовала, что таится за моею апатией.

- Серёжа, что с тобой? спросила мама, когда я в очередной раз отказался обедать.
 - Он влюбился. Точно, сказала Светка.
 - Не похоже... с сомнением сказала мама.

Оставалось два дня. Я чувствовал себя одновременно как приговорённый к смерти, которому сообщили дату исполнения приговора, и как судья, подписавший этот приговор. В первый раз я оценил мудрость и милость природы или судьбы, не знаю, держащей нас в неведении относительно смертного часа. При том, что мы уверены в его неминуемости, ибо никому не удалось его избежать, мы живём спокойно и даже веселимся, благодаря сущему пустяку — неосведомлённости о часе ухода. Точное его знание, даже если час этот отодвинут на сто лет — парализует. Ты перестанешь жить, лишь будешь сто лет считать, сколько тебе осталось.

Оказалось, что это справедливо по отношению не только к себе, но и к близким.

В момент наиболее мучительных раздумий позвонил дед.

- Серёжа, ты ещё тут? спросил он.
- В каком смысле?
- Ты не пробовал прыгнуть вперёд?
- Нет.

— Напрасно. Это тягостная процедура, поверь мне, и лучше будет, если ты её избежишь. Мне много раз приходилось провожать близких и друзей.

Со стороны можно было подумать, будто он говорит о проводах на вокзале.

- Улетай, мой мальчик. Тебе ещё предстоит много испытаний, продолжал он.
- Что ты говоришь?! с досадой закричал я, но тут же вспомнил, что разговариваю с человеком, который послезавтра умрёт. Дед, милый, я не знаю, как тебе сказать... Зачем ты мне их подарил? Что мне теперь делать?

Я едва не заплакал, как первоклассница, ком стоял в горле.

— Ага, я же тебя предупреждал! — ехидно отозвался дед. — Сам виноват. Нечего было их крутить. Экспериментатор! Давай уматывай отсюда, чтобы я тебя больше не видел!

Он прогонял меня в другое пространство.

- Как же «уматывай»? Я же не на ракете, в самом деле... Здесь же останется другой «я»...
- Вот он меня и проводит, тихо сказал дед. Прощай, мой мальчик. Не возвращайся больше ко мне, не надо...

Я не мог ответить, горло сжало.

Я стал готовиться в дальнюю дорогу. Я сразу понял, что прыгну далеко, чтобы раз и навсегда проститься с неудачами юности, начать новую жизнь и забыть о волшебном даре, полученном в подарок от деда.

Можно было, конечно, перепрыгнуть неприятную процедуру похорон и явиться первого сентября в десятый класс, как ни в чём не бывало. Но мне это почему-то казалось подлостью. Да и встречаться с друзьями больше не хотелось. Слишком много я накрутил в последнее время, слишком запутал отношения да и сам запутался во времени, чтобы так вот запросто явиться к ним с безмятежной физиономией.

И хотя я точно знал, что они не имеют понятия о моих прыжках и время текло для них обычным путём, поскольку они ничего не помнили о возвратах, мне всё же казалось, что каждый мой шаг им известен.

Нет-нет, улететь далеко, распрощаться с этими унизительными годами, когда тебя не считают человеком, а так, каким-то полуфабрикатом человека, а вся твоя жизнь не имеет самостоятельной ценности, служа лишь подготовкой к той, настоящей, взрослой жизни. Улететь, и дело с концом! Там разберёмся.

Я готовился всерьёз, прощался надолго, навсегда. Сентиментальный комочек в горле сопровождал моё прощание. Я вышел к ужину, удивив маму, был кроток и тих. Я смотрел на маму и сестру, стараясь унести этот миг с собой, потому что он никогда более не повторится. Я вдруг увидел, что у мамы на указательном пальце левой руки белеет кусочек пластыря. Она вчера чистила рыбу и порезала палец. Мне захотелось поцеловать этот палец, чтоб быстрее зажило. И я бы сделал это, если бы не боязнь показаться ненормальным.

А я был нормальным, более нормальным и внимательным к жизни, чем когда-либо прежде!

Внезапно Светка подурнела лицом, вся ушла в себя, а через минуту просияла:

- Мама! Он толкается изнутри!
- Ничего страшного, улыбнулась мама.
- Серый, хочешь пощупать? она подошла ко мне,

и я положил ладонь ей на живот. Он был тугой и тёплый, как арбуз на бахче. И вдруг что-то слабенькое, но упругое толкнуло меня в ладонь и затаилось, будто испугавшись дерзости.

Это был мой племянник Никита, с которым мы встретились буквально через полчаса.

Всё это может показаться смешным, но у меня на глаза навернулись слёзы, и я поспешно ушёл к себе в комнату, не допив чая.

Медлить было нельзя. Я знал, что каждую минуту может раздаться звонок и дедова экономка, рыдая... Не думать об этом! Всё уже решено.

Я окинул прощальным взглядом свою комнату, где каждый предмет был родным: гитару, магнитофон с кассетами, джинсы и кроссовки... Интересно, что из них встретит меня там? Посмотрел и на мусорную корзину под письменным столом, из которой возвышался ворох порванных в мелкие клочки бумажек. Вчерашний день, готовясь к будущему, я уничтожил некоторые документы, которые посчитал ненужными и компрометирующими меня в новой жизни. Среди них были школьные дневники, записки от девочек — наследие седьмого класса, тоненькая тетрадка со стихами, вернее, с песнями, которые я пробовал сочинять год назад, когда мне купили гитару, и открытки от отца с видами разных уголков земного шара, откуда он вёл свои репортажи.

Оставив всё это после себя в сохранности, я рисковал встретиться с моим прошлым в будущем. А я не хотел этого. Я полностью порывал с собою, вернее, с ним — этим бездарным и непоследовательным типом, вялым и ленивым созерцателем, эгоистом Сергеем Мартынцевым, оставляя его доживать юность в своём унылом

временном пространстве без всякого волшебного дара. Я летел в другие пространства и миры, где уже сейчас разворачивалась моя ослепительная взрослая жизнь.

Прощай, мама! Прощай, Светка с племянником в животе! Прощай, отец!

Когда я увижу вас, вы будете уже другими. Да и сам я буду другим. Прощай навеки, дед! Прости меня.

Я улёгся на тахту, держа перед собою часы, и, дрожа от волнения, принялся их настраивать.

Я заранее выбрал 2000 год. Меня манят круглые цифры. Кроме того, я становился вдвое старше. Солидный тридцатитрёхлетний мужчина. Возраст Иисуса Христа. Была и честолюбивая мыслишка — оказаться в XXI веке раньше, чем современники.

Я выбрал осень 2000 года. День осеннего равноденствия. Бабье лето. Я люблю осень. Часы с минутами я оставил прежними — около одиннадцати вечера.

Я прислушался. Мама в своей комнате строчила на машинке, Светка, вероятно, уже спала.

Перед самым защёлкиванием крышки меня вдруг обожгла страшная мысль: а вдруг там, в 2000 году, уже никого нет? Вдруг произошла всемирная катастрофа, о которой всё время говорят?

Но даже это не остановило меня. Вероятно, я верил в человеческий разум. Я приложил часы к шее и с силою, обеими руками надавил на крышку.

Моё положение в пространстве не изменилось. Я лежал на той же самой тахте, в той же самой комнате. Слабо светился ночник. Я был накрыт одеялом.

Я сразу понял, что на мне абсолютно ничего нет, даже часов. Рядом со мной, под тем же одеялом, лежала

красивая незнакомая женщина. Тоже совершенно голая. Одной рукой она обнимала меня за шею.

Не скрою, это было дико приятно, но поймите меня правильно. Я просто не был к этому готов. Несомненно, это было хуже, чем оказаться с глазу на глаз перед танковой колонной, не умея стрелять из пулемёта. Я инстинктивно отпрянул от неё, с ужасом разглядывая. Она была белокура, с пухлыми губами и слегка вздёрнутым носиком. Клянусь, я видел её впервые. Нет, это не Марина... Она не могла так измениться.

«Жена? Не жена? Как зовут?» — такие примерно вопросы скакали у меня в голове.

Вероятно, ей не понравился мой вид.

— Ты чего, Сержик?..— прошептала она, пытаясь ко мне прижаться.

Я выпрыгнул из постели и заметался по комнате, как заяц. Мне было непереносимо стыдно. Она с интересом наблюдала за мной.

- Где трусы?! заорал я, хотя мне следовало бы крикнуть, в сущности: «Где часы?!»
- Тихо! Ребёнка разбудишь, недовольно проговорила она, кидая мне трусы.

Я поймал их и натянул с такой быстротою, будто от этого зависела моя жизнь.

- «Жена...» обречённо подумал я.
- Пить хочется, сказал я первое, что пришло на ум, и потопал на кухню.

Там сидел неизвестный молодой человек и читал газету на английском языке. Его длинные волосы были заплетены в мелкие косички. Косичек было много. Они свисали с головы, как сосульки.

- Привет, сказал я на всякий случай.
- Привет, равнодушно отозвался он.

Я попил воды, чтобы хоть что-то предпринять. Не знакомиться же с ним, в самом деле? Наверняка он меня давно и хорошо знает.

- Пожрать есть чего-нибудь? спросил я.
- Посмотри в холодильнике, мотнул он головой.

Он никак не мог быть моим сыном. На вид ему было лет шестнадцать. Хотя всё может быть. Акселерация за это время могла усилиться.

Я заглянул в холодильник. Он был заполнен в основном разного размера тюбиками, как зубная паста.

Я с недоумением взирал на них. Парень оторвался от газеты, тоже заглянул в холодильник и схватил большой тюбик, на котором было написано «Второе № 5». Он отвинтил колпачок, поднёс тюбик ко рту и выдавил на язык нечто зеленоватое.

Я последовал его примеру. «Второго № 5» больше не оказалось, и я довольствовался «Первым № 7». По вкусу оно было похоже на гороховый суп.

— Паршивый тубус, — сказал парень, завинчивая колпачок.

Мне мой понравился. Я выдавил ещё. Слизывая суп с губы, я вдруг ощутил, что мне мешает что-то колкое. Ощупав лицо, я убедился, что это усы.

Усы меня доконали. Я испугался. Я понял, что мне никогда не восстановить событий прошедших шестнадцати лет.

Но времени на размышления не было. В кухню вдвинулся пузатый лысоватый мужик, тоже в одних трусах. Не без труда я узнал в нём Петечку, только весьма обрюзгшего и постаревшего.

Я обрадовался ему, как родному, хотя прежде особых симпатий не испытывал.

— Никита, марш спать! — приказал он парню.

Тот неохотно повиновался. Петечка уселся за стол напротив меня, с отвращением выдавил «Второе № 5» из тубуса в рот.

- Мяска бы сейчас... вздохнул он. Татьяна спит?
- Спит, кивнул я.

За несколько секунд я получил бездну нужной мне информации. Никита был его сыном, это факт, следовательно, моим племянником, который полчаса назад стучал мне пяткой в ладонь изнутри живота, а Татьяна, без сомнения, — моя жена.

- Так ты решил? Будешь брать? спросил Петечка, как будто продолжая прерванный разговор.
- Нет, пожалуй, не буду, солидно ответил я, решив, что разумнее пока уклоняться от любых предложений. Зачем мне брать какого-то кота в мешке?
- Ну и дурак... Петечка зевнул и почесал волосатый живот. Тачка совсем новая, двадцати тысяч не пробежала.

Он поднялся и пошёл к двери.

- Может, ещё надумаешь?
- Посмотрим, ответил я.

Оставшись один, я быстро осмотрел кухню, выдвинул ящики кухонного стола, заглянул в шкафчики. Ничего интересного. Успел заметить только свою старую любимую чашку. Встреча с ней была приятна.

Я вернулся в комнату. Жена спала, отвернувшись к стене. Я осторожно лёг рядом, стараясь не разбудить её. «Утро вечера мудренее...» — благоразумно подумал я, засыпая.